

Ева Арк

ЗОЛУШКИ ИЗ ИРЛАНДИИ

УДК 82-3
ББК 84
А82

А82 **Арк Е.**
Золушки из Ирландии / Ева Арк – М.: Литнет, 2026. – 190 с.

ISBN 978-5-524-00055-2

Хотели бы вы знать, что произошло с Золушкой после её замужества? История ирландских сестёр Мэри и Элизабет Ганнинг, живших в XVIII веке, напоминает эту сказку. А была ли их жизнь счастливой, судите сами...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-524-00055-2

© Литнет, 2026

© Е. Арк, 2026

Глава 1 Юность сестёр

В тени старого дуба, где солнечные лучи пробивались сквозь густую листву лишь редкими золотыми пятнами, журчал небольшой родник. Вода в нём была кристально чистой, а камни, устилавшие дно, казались отполированными веками. Над источником склонились две девочки.

У старшей сестры кудри были цвета воронова крыла, а в её глазах, тёмных и выразительных, читались решимость и уверенность. Рядом стояла младшая сестра, чьи пшеничные волосы обрамляли лицо с наивными, широко распахнутыми голубыми глазами.

– Ты веришь, Молли, что вода святой Бриджит сделает нас красавицами? – боязливо спросила младшая.

– Конечно, Бетти! – с непоколебимой уверенностью ответила старшая.

– И нас все будут любить?

– Главное – нравиться мужчинам! Маменька говорит, что тогда мы сможем выйти замуж за богачей!

Бетти задумалась, и её маленькое личико нахмурилось:

– За таких богачей, как наш дядюшка Митчелл?

– Ещё богаче!

– А когда мы станем богатыми, то я перестану донашивать твои платья? – после паузы продолжала допытываться Бетти.

Молли рассмеялась, и её смех был звонким и чистым, как журчание родника.

– У нас будет столько красивых нарядов, что ты не будешь знать, какой надеть! И, может быть, сам король, Бетти, пригласит нас к себе во дворец!

После её слов Бетти, наконец, решила зачерпнуть из источника. Бойкая же Молли одновременно успевала с удовольствием озирая живописные окрестности городка Коттон, расположенного

в английском графстве Уэст – Мидлендс. Согласно поверью, вода из местного источника Святой Бриджит дарила девушкам здоровье и красоту. Неподалёку находилась резиденция Уильяма Митчелла, дяди Молли и Бетти Ганнинг, которые часто приезжали сюда вместе со своими родителями.

Дед сестёр, Брайан Ганнинг, сельский джентльмен из Ирландии, принадлежал к почтенной семье и даже претендовал на титул графа. Хотя его родовые замки Кут и Роксмонн были разрушены, он обладал значительным состоянием и ясно выразил свою последнюю волю: «Моё имущество должно остаться неделимым!» Таким образом, львиную долю состояния Ганнинга получил старший из его шестнадцати детей, Джордж.

К сожалению, этот расточительный наследник не только нарушил волю отца, но и внёс раздор в семью, завещав фригольд (право собственности на недвижимость) одному, а права аренды – другому из его оставшихся в живых братьев. После небольшой перепалки, длившейся несколько месяцев, Барнаби Ганнинг, наконец, предложил младшему брату:

– Мы должны поступить разумно!

– Хорошо, обойдёмся без судебного разбирательства, – согласился Джон.

Покладистость отставного полковника Ганнинга объяснялась тем, что он как раз собирался жениться на достойной Бриджит Бурк, дочери шестого виконта Майо. А поскольку переговоры о браке были в самом разгаре, Джон старался избегать любых конфликтов, связанных с деньгами.

Итак, 24 августа 1731 года два брата-ирландца встретились у нотариуса в Лондоне, чтобы подписать мировую. А уже 23 октября состоялась свадьба Джона и Бриджит. Где же поселились новобрачные? В трёх милях от городка Роскоммона, на берегу реки Сук, на месте разрушенного замка Кут, находилось родовое жилище Ганнингов с соломенной крышей, вокруг которого простиралась

пустоши с овечьими выгонами и редкими жилищами людей. Но это поместье досталось Барнаби, поэтому Джон, скорее всего, привёл молодую жену в дом, известный как Нью – Инн, бывший частью фамильной собственности и находившийся в пригороде Роскоммона.

Как и у многих ирландцев, в характере полковника было много от гасконца. Он любил прихвастнуть, притворялся равнодушным к деньгам и был завсегдатаем местной «Кофейни Тома», где собиралась весёлая компания его приятелей. При этом Джон был крепко сбит, имел красивые черты лица и привычку к физическим упражнениям, что позволило ему оставаться сильным и активным до конца жизни. Его юная жена тоже была дамой редкого обаяния и такта, позволявшего ей частенько смягчать опрометчивые поступки мужа. Кроме того, её письма своим изящным стилем и орфографией выделяются среди писем большинства женщин того времени.

Увы, Бриджит принесла мужу не слишком большое приданое, поэтому Джон был вынужден обменять свои права аренды на небольшой, но регулярный доход, получаемый с земель в Конноте. Несмотря на это, семья Ганнингов едва сводила концы с концами, и вскоре после медового месяца её глава сказал жене:

– Дорогая, мы скоро уедем в Англию.

– В Лондон? – обрадовалась та.

– Нет, в Хэмингфорд – Грей в графстве Хантингдоншир.

– А где мы там будем жить?

– В сельском доме, который мне любезно согласился сдать за небольшую плату мой зять сэр Уильям Митчелл.

– Надеюсь, там красивая природа, – улыбнулась Бриджит, чья мягкая лучезарность оставалась непоколебимой среди всех превратностей судьбы.

Оставив свою ирландскую собственность на попечителей, Джон покинул Изумрудный остров и с молодой женой поселился в английской деревушке Хемингфорд – Грей. Причина такого выбора им места жительства очевидна: в сельской местности было жить

гораздо дешевле, чем в городе. Муж его младшей сестры Элизабет унаследовал крупную земельную собственность в Хантингдоне вместе с так называемым «Красным домом», который он предоставил на льготных условиях в распоряжение шурина.

Отец Митчелла приехал в Англию с одной котомкой за спиной и стал простым разносчиком товаров (бродячим торговцем), но, благодаря своей неслыханной скупости, сколотил значительное состояние и умер чрезвычайно богатым человеком. По крайней мере, на образование своего единственного наследника шотландец денег не жалел, отправив его сначала в Итонскую школу, а затем – в колледж в Кембридже. В любом случае, Уильяму Митчеллу было выгодно сдать дом Ганнингам, так как это позволяло ему в любой момент встречаться в графстве со своими избирателями, когда у него появились политические амбиции. Так, сначала он получил должность верховного шерифа Кембриджшира и Хантингдона, а пять лет спустя был избран членом парламента от партии вигов.

15 августа 1732 года, всего лишь немногим более чем через девять месяцев после своей свадьбы, в Хемингфорд – Грей, в приземистом особняке с остроконечной крышей, Бриджит родила свою первую дочь. Её называли Мэри в честь Святой Девы, а крестили в старой церкви на берегу реки Грейт – Уз. В следующем году, 17 декабря, у Мэри появилась сестра Элизабет, названная в честь тётки, миссис Митчелл. В том же доме, в Хемингфорд – Грей, родились ещё две дочери Ганнингов – Кэтрин и София (последняя умерла в младенчестве).

В 1740 году материальное положение семьи немного улучшилось, вероятно, в связи с окончательным дележом наследства, оставшегося от бездетного Барнаби, брата Джона. Поэтому в конце этого или в начале следующего года Ганнинги вернулись в Ирландию и снова поселились в Роксоммоне.

Там появилась на свет их младшая дочь Лиззи, названная в честь тётки по матери, настоятельницы женского монастыря Ченнел –

Роу в Дублине, а также – их единственный сын Джон. К сожалению, девочка скончалась в восемь лет от туберкулёза, мальчик стал генерал-лейтенантом британской армии.

По мере того, как Мэри и Элизабет, чьи домашние прозвища были «Молли» и «Бетти», выросли, их яркая внешность не оставалась незамеченной.

Высокие и стройные, с нежным цветом лица, сёстры были наделены природной грацией. Мэри, жизнерадостная брюнетка, в чьих смеющихся тёмных глазах светился огонь, всегда была полна энергии и жаждала удовольствий, как её отец. В то же время Элизабет, копия матери, с её мягким взглядом голубых глаз и золотисто-каштановыми волосами, была более спокойной, но не менее очаровательной, чем её боевая сестра.

– Мы не должны допустить, чтобы красота наших дочерей пропала даром! – как-то заявила мужу предприимчивая Бриджит.

– Но что вы предлагаете, дорогая?

– Нам следует переехать в Дублин!

– Вам же известно, что мои братья оставили после себя одни долги! Мой доход не позволяет нам жить в столице.

– Значит, вас не беспокоит то, что Молли и Бетти похоронят себя в безвестности?

– Хорошо, дорогая, как вам будет угодно, – сдался Джон.

Уже 23 декабря 1745 года за скромную арендную плату в восемь фунтов в год Ганнинги сняли дом на северной стороне Сент – Мартинса, в пригороде ирландской столицы. В то время Дублин находился на пике своего расцвета под управлением графа Честерфилда, вице-короля (и лорда-лейтенанта) Ирландии. С этим остроумным государственным деятелем и писателем, кстати, связывают новое значение английского слова «флирт», которое переводится как «что-то быстро двигать туда-сюда». «Я присутствовал при том, как это знаменательное слово спорхнуло с самых очаровательных в мире уст», – утверждал Честерфилд. По его словам, знамени-

тая светская львица Френсис Ширлей, беседуя с понравившимся ей кавалером, то открывала, то закрывала веер, то прятала за него всё лицо, то только глаза. Когда же её собеседник в шутку сделал ей замечание за такое дразнящее поведение, она с невинным выражением ответила: «Но ведь это только флирт (она лишь машет веером)».

Галантное поведение вице-короля позволило миссис Ганнинг, называвшей себя «леди Роскоммон», мечтать о блестящем будущем для своих очаровательных дочерей при его дворе. Однако, как и предсказывал её муж, жизнь в столице оказалась им не по средствам. Однажды утром в дом Ганнингов ворвались люди брокера, который представлял интересы займодавцев Джона, и попытались описать всё его имущество в счёт долгов. Охваченная горем и стыдом, несчастная Бриджит сидела и плакала в гостиной, окружённая своими детьми. Её рыдания привлекли внимание хорошенькой Джордж Энн Беллами, известной дублинской актрисы, которая случайно проходила мимо по улице. Движимая состраданием, эта энергичная миниатюрная блондинка, не обращая внимания на судебных приставов, охранявших дверь, смело вошла в дом и обратилась к хозяйке:

— Могу ли я быть вам чем-нибудь полезной, миссис...

— Леди Роксмон, — с достоинством подсказала Бриджит, прервав свои рыдания.

— Так могу ли я помочь вам, миледи?

Хотя супруга Джона Ганнинга не была знакома с актрисой, она была тронута её сочувствием. Слезы снова выступили на её глазах, и она рассказала, что её муж влез в долги, потому что жил не по средствам. Чтобы избежать ареста, он вынужден был бежать из Дублина. А родной брат Бриджит отказался оказывать Ганнингам какую-либо помощь. Тогда добросердечная актриса, не раз попадавшая в подобные переделки, придумала следующий план: с наступлением темноты хозяйка дома передаст через окно гости-

ной самые ценные вещи служанке мисс Беллами и отправит своих детей к ней на квартиру. Сама же Бриджит наймёт почтовую карету и присоединится к мужу за городом. План был осуществлён тем же вечером, и сёстры Ганнинг ещё долгое время пользовались гостеприимством актрисы.

Безусловно, эта история, которую позднее рассказала Беллами, свидетельствует о том, что Мэри и Элизабет были ей многим обязаны. Однако больше нет никаких доказательств, подтверждающих, что сёстры были знакомы с этой актрисой, возмущённой неблагодарностью своих бывших гостей. Хотя её рассказ, который кажется правдивым, был дополнен ещё одной, более приятной историей.

В один прекрасный день Мэри Ганнинг уговорила актрису посетить прорицательницу, известную как «Мадам Фортуна». Прекрасным сёстрам хотелось узнать, что уготовано им в будущем. Старая колдунья, несомненно, хорошо разбирающаяся в людях, с первого взгляда смогла разгадать характер каждой из посетительниц. Пылкой Мэри она напороочила:

– Вас, мисс, ждёт блестящий, но несчастливый брак!

Бедной Беллами, как актрисе и «жрице любви», было предсказано:

– Вы никогда не выйдете замуж!

А Элизабет, казавшейся более осторожной и трезвомыслящей, чем её сестра, предсказательница предрекла величие и власть. Впрочем, как и большинство подобных пророчеств, эти получили огласку только после того, как сбылись.

Неизвестно, кому первому пришла в голову мысль предложить девушкам попробовать себя в качестве актрис – Беллами или их матери, – но считается, что именно последняя, когда Мэри и Элизабет достигли совершеннолетия, уговорила их выйти на театральные подмостки, дабы помочь семье своим заработком. Какое-то время девушки работали в дублинских театрах. Хотя актёрская игра не считалась респектабельной профессией, поскольку многие актри-

сы «подрабатывали» куртизанками, улаживая богатых меценатов, Бриджит повсюду сопровождала своих дочерей и сумела сохранить их репутацию. По её просьбе, за ними также присматривал старый актёр Томас Шеридан, директор одного из театров. По крайней мере, позже он рассказывал следующую историю. Как-то Мэри и Элизабет с матерью отправились на местную ярмарку, где встретили компанию знакомых молодых ирландцев, их поклонников. Те решили, невзирая на присутствие Бриджит, обесчестить её дочерей и подсыпали в общую чашу с вином, из которой пили посетители ярмарки, сильное снотворное. Но когда парни хотели увести одурманенных женщин в укромный уголок, на сцене, словно герой драмы, появился Томас Шеридан, и лишил злодеев их добычи. Впрочем, биографии обеих сестёр изобилуют различными мифами, и, вполне возможно, актёр придумал эту историю, столкнувшись в будущем с неблагодарностью тех, кого он когда-то благодетельствовал.

Во время жизни красавиц в Дублине им посчастливилось обрести более могущественного друга, чем старый Шеридан. Это был Соломон Дейроллс, секретарь лорда-наместника Ирландии и пристав чёрного жезла в Ирландской палате лордов, которого Мэри Ганнинг покорила своей жизнерадостностью. После того, как в 1746 году графа Честерфилда отозвали назад в Англию, он перед отъездом назначил своего крестника распорядителем всех дел.

Узнав о новом поклоннике своей старшей дочери, Бриджит сразу мысленно произвела его в свои зятя:

– Прекрасная партия! Говорят, король Георг обожает лорда Дейроллса и даже даровал ему должность мастера пирушек!

– А он тебе нравится, Молли? – в свой черёд поинтересовалась у сестры Элизабет.

– Да, Бетти, – не задумываясь, ответила та. – Хотя он смуглый, как дядя Митчелл, зато учтивый, как сам вице-король.

Неизвестно, лелеял ли сам Дейроллс матримониальные планы в отношении Мэри, но в мае 1747 года его неожиданно назначили